

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 119–124. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 119–124. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1)-343.4

EDN BRBQFK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-119-124>

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КУРТУАЗНОЙ МОДЕЛИ МИРА В АНГЛИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ

Вышенская Юлия Павловна, доктор филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, clemence_isaure@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-3026>

Аннотация. В настоящей статье предлагается опыт сопоставительного анализа процессов порождения стиля в тексте английской литературной сказки, генетически связанной с куртуазным романом и волшебной кельтской сказкой. На примере образа дракона в сказке «The Reluctant Dragon» известного английского писателя К. Грэма изучаются стилистические приемы и методы стилистической реконструкции модели мира куртуазного произведения. Выявляются и сопоставляются универсальные и индивидуальные, национальные и вненациональные особенности стилистической организации художественного целого в пространственно-временной перспективе. Особое внимание уделяется своеобразию мировидения конкретного временного отрезка в универсальном процессе стилистического развития, динамике генерации стиля в синхронии и диахронии. Методологическую исследовательскую основу составляют традиционные методы анализа текста (стилистический анализ от одного уровня к другому, сравнительно-сопоставительный анализ в рамках одного синхронного среза и в диахронии), а также методы анализа дискурса. В силу специфики эмпирического материала привлекаются результаты исследований из истории литературы, агиографии. Предлагаемая работа являет собой определённый вклад в сферу изучения стилистических явлений и их реконструкций на генетически связанном текстовом материале разных временных эпох.

Ключевые слова: детская литературная сказка, куртуазная стилистика, куртуазный роман, узкий дискурс, широкий дискурс.

Для цитирования: Вышенская Ю.П. Стилистическая реконструкция куртуазной модели мира в английской детской литературной сказке // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 119–124. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-119-124>

Research Article

STYLISTIC RECONSTRUCTION OF THE COURTLY WORLD MODEL IN THE TEXT OF THE FAIRY-TALE FOR CHILDREN

Yuliya P. Vyshenskaya, DSc in Philology, Professor, Institute of Foreign Languages, Herzen Russian State Pedagogic University, Saint Petersburg, Russia. clemence_isaure@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-3026>

Abstract. The present article contains some experience of comparative analysis of style generating processes in the text of the English literary fairy-tale for children, connected with the romance and the Celtic fairy-tale. Stylistic reconstruction of the courtly universe makes the research focus. Universal and individual as well as national and supranational characteristic features proper to the stylistic organisation of the piece of art in dynamics are identified and compared. Special attention is paid to peculiar details of the world vision in the universal stylistic development, style generation evolution both in synchrony and diachrony. The style generating investigation as a part of a translation process, the image system creating, in particular, makes the present paper new and topical as well. The methodological basis contains traditional text analysis methods (cohesive stylistic analysis, synchronic and diachronic comparative analysis). The illustrative material makes it necessary to apply some data from the literature history and hagiography. The present work contributes to the sphere of investigating stylistic phenomena and their reconstruction as well when applied to the genetically connected textual material.

Keywords: courtly stylistics, fairy-tale for children, image, romance, style, text, usual discourse, universal discourse.

For citation: Vyshenskaya Y.P. Stylistic reconstruction of the courtly world model in the text of the fairy-tale for children. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 119–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-119-124>

В предлагаемом исследовании представлены наблюдения за преобразованиями, претерпеваемыми ключевыми понятиями куртуазной стилистики в диакронии. На текстовом материале детской литературной сказки «The Reluctant Dragon» («Дракон Лежебока») К. Грэма, известного английского писателя XIX в., выявляется и анализируется специфика стилистического воссоздания куртуазного универсума, номенклатуры куртуазных персонажей и образного строя в самостоятельном литературном жанре. Прослеживается преобладание стилистического развития в генетически связанных жанрах волшебной кельтской сказки, куртуазного романа и литературной сказки для детской аудитории.

Художественный стиль, согласно определению академика В.В. Виноградова, являет собой «внутренне цельную и единую систему взаимосвязанных структурных элементов, находящихся между собою в разных формах связи, соотношений и взаимодействий». Подобное толкование стиля предполагает расширение сложившегося в науке о языке спектра исследовательских задач, осуществляемых посредством обновленных традиционных методов [Виноградов: 79].

Подобное понимание стиля вписывается в теорию анализа дискурса и сочетается с идеей о существовании универсальных и широких дискурсов и дискурсов более частного и узкого характера. Согласно точке зрения О.Н. Гронской, текст представляет собой в широком понимании форму существования концептуально-эстетического аппарата дискурса. Текстуальное порождение происходит путем удовлетворения объективных потребностей субъекта в текстовом выражении некоторых значений и смыслов, характер которых определяет виды градации дискурса. Существование определённого рода «концептуальных отношений, системных и/или иерархических» дает основание полагать дискурс метадискурсом и его модификациями. Так, в концептуальном ряду «культура – литература – архитектура – скульптура – изобразительное искусство» культуре отводится роль метадискурса. Прочие его формы являются метадискурсивными модификациями [Гронская: 14].

В рамках настоящего исследования под метадискурсом культуры понимается культура Средних веков, специфика которой формируется, в частности, под влиянием социокультурных изменений. В рамках культуры средневековой Европы начинается теория стиля. Взаимоотношения последовательно элементов дискурсивной модели складываются на основе принципа иерархичности, одновременно выступающего также и основополагающим принципом средневекового социального устройства.

В подобном понимании находит отображение диалогичность культуры и литературы средневековой эпохи, присущая литературе восприимчивость к но-

вым тенденциям, а также акцентуация параметров языка, маркирующих осознание говорящим голоса другого [Fowler: 94].

В метадискурсе Средневековья обособляется куртуазная культура, в рамках которой создается богатая самобытная литература. Под влиянием куртуазной идеологии и средневековой философии разрабатывается свод правил их стилистического конструирования,

Важное место в системе куртуазных жанров занимает куртуазный роман. Куртуазная стилистика возникает и развивается на основе сочетания фольклорного и собственно куртуазного стилистического. Генетической связью куртуазного романа и волшебной кельтской сказки обуславливается наследие выразительных средств и стилистических приемов, специфики модели мира куртуазного произведения (куртуазного универсума).

Одним из центральных образов куртуазной номенклатуры выступает образ дракона. Под воздействием куртуазной идеологии фольклорное восприятие животного усложняется. Образ чудовища сохраняет унаследованное от фольклора восприятие, в рамках которого предстает воплощением зла и враждебной природной стихии [Елина: 17]. В структуре куртуазного художественного целого сражение и победа куртуазного героя над крылатым змеем становится одним из обязательных узлов куртуазного сюжетного движения.

По мере развития английской жанровой системы куртуазный роман утрачивает свою значимость. Последним крупным произведением этого жанра является «Le Morte D'Arthur» сэра Т. Мэлори (XV в.). Своего рода возрождение жанр рыцарского романа переживает в Новое время, становясь, в свою очередь, основой литературной сказки для детей. Одним из ярких примеров жанра можно считать «The Reluctant Dragon» К. Грэма. Ряд куртуазных линий и образов, в том числе образ дракона, сама модель куртуазного мироустройства подвергаются в произведении авторской интерпретации, обусловленной, в частности, факторами экстралингвистического характера под влиянием изменившейся действительности.

В процессе предпринимаемого анализа используется триада «текст – стиль – дискурс» [Гончарова: 2012], заимствованная из анализа дискурса. Сфера приложения триединства расширяется также и в сторону изучения взаимодействия некоего дискурсивного стержня при исследовании реконструкции стилистической организации художественного целого и трансформации стилистических средств создания художественного образа. В предлагаемом исследовании на элемент «стиль» возлагается функция скрепы «текста» и «дискурса». Принимая во внимание специфику эмпирического материала, «текст» понимается как текст литературной сказки для детей. «Дискурс»

предстает как «когнитивное и коммуникативное пространство, манифестируемое в совокупности текстов... определенной социально-коммуникативной сфере...» [Смирнова: 113].

Корпус примеров, зарегистрированных в тексте сказки «The Reluctant Dragon», даёт возможность выявить и оценить процессы стилепорождения как реконструирующие исходную образную систему на генетически связанном материале в пространственно-временной перспективе.

Сюжетная основа и система образов на избранном для анализа сказочном тексте формируется на куртуазно обработанном кельтском сказочном материале. В анализируемом произведении представлена авторская трактовка модели мироздания куртуазного произведения, известная как «куртуазный универсум», «нравственно-эстетический кодекс куртуазных ценностей» [Смолицкая: 49].

В самом названии, оксюморонном по своей природе, заложена интрига сюжетной спирали. Дракон, главный герой, вводится в повествование посредством приема *suspense* (напряженное ожидание, способствующее возникновению интриги), усиливая тем самым интерес реципиента:

It began some nights ago, said the shepherd. 'You know that cave up there —I never liked it, somehow, and the sheep never liked it neither, and when sheep don't like a thing there's generally some reason for it. Well, for some time past there's been faint noises coming from that cave noises like heavy sighings, with grunts mixed up in them; and sometimes snoring, far away down-real snoring, yet somehow not honest snoring, like you and me o' nights, you know! [Grahame]

(«Это началось несколько ночей назад, – сказал пастух. – Вы помните пещеру там, наверху? Мне она никогда не нравилась, сам не знаю почему, и овцам тоже, а уж коли овцам что не нравится, на это всегда есть резон. Ну, так вот, последнее время оттуда доносились какие-то звуки, вроде бы тяжелые вздохи вперемежку с бормотанием, а иногда храп глубоко под землей, заправдашный храп, но, как бы это сказать, не натуральный, вроде как у нас с тобой, когда мы спим. Сама знаешь») [Грэм].

Выделенный прием *suspense* можно рассматривать также и как своего рода перифраз традиционного древнего приема ретардации, анализируемый в ряде работ на французском материале (см., например: [Смирнов: 1965; Вышенская: 2022]). Определённый артикль в названии сказки выступает своеобразным соединителем персонажа анализируемой сказки с его средневековым предшественником, героем сказаний и легенд.

Аллюзивная связь укрепляется посредством использования стилистического приема метонимии *that cave* («та пещера»). Данный метонимический перенос возникает на основе переноса по месту обитания дракона, что закреплено в традиционном

представлении об отводимом хищнику пространстве. Отмеченная метонимия может восприниматься как своего рода аллюзия на прочих средневековых драконов, в том числе из куртуазных рыцарских романов.

Приведённый текстовый фрагмент являет собой яркую иллюстрацию конвергенции – сочетания приёмов разной стилистической природы (графо-фонетической, лексической и синтаксической), чем усиливается эмоциональная доминанта страха и тревожности.

Ведущее место на всех стилистических уровнях занимает повтор. Такова реприза сочетания *never liked* (никогда не нравилась), использованием которой передается нарастание тревоги и волнения пастуха: “I never liked it, somehow, and the sheep never liked it neither” («Мне она никогда не нравилась, сам не знаю почему, и овцам тоже»; выделено мною. – Ю. В.). Анализируемая комбинация *never neither* примечательна и как пример аллитерации, иного способа создания архаичного флёра.

Метонимические обозначения дракона становятся объектом репризы по рамочному принципу расположения в тексте. Так, отмечаемая выше метонимия *that cave* сочетается с синонимичным выражением *down-real snorting* («храп – глубоко под землей, заправдашный храп»). Выражение *down snorting* допускает интерпретацию метонимического переноса, в основу которого положена одна из характеристик мифического животного, способность производить устрашающий шум.

Следует отметить авторскую вариативность толкований выделенного явления. Так, в интерпретационном контексте обыгрываются присущие сущительному *snorting* значения «фырканье» и «звуки, издаваемые свиньями». Для пастуха, очевидно, в силу его ремесла актуализируется второй из представленных вариантов. Маленькому мальчику, сыну пастуха, слышится кошачье мяуканье или мурлыканье (урчание). Примечательно восприятие обоими персонажами опасного, незнакомого им ещё чудовища как одомашненного, укрощённого.

Портретное описание впервые появляющегося в сказочном континууме дракона соответствует сложившемуся в искусстве и фольклоре стереотипу облика рептилии:

He was sticking half-way out of the cave, and seemed to be enjoying of the cool of the evening in a poetical sort of way. He was as big as four cart-horses, and all covered with shiny scales deep-blue scales at the top of him, shading off to a tender sort o' green below. As he breathed, there was that sort of flicker over his nostrils that you see over our chalk roads on a baking windless day in summer. ... Oh, yes, a peaceable sort o beast enough, and not ramping or carrying on or doing anything but what was quite right and proper. I admit all that. And yet, what

am I to do? Scales, you know, and claws, and a tail for certain, though I didn't see that end of him I ain't used to 'em, and I don't hold with 'em, and that's a fact! [Grahame].

(«Он вылез до половины из пещеры и, похуже, услаждался вечерней прохладой с эдаким восторженным видом. Огромный, как четыре ломовые лошади цугом, и весь покрытый блестящей чешуей: на спине темно-голубая, а к брюху переходит в светло-зеленую. Когда он дышит, вокруг ноздрей у него видно мерцанье, как над меловыми дорогами летом в жаркий, безветренный день. ... Ничего не скажешь, вполне мирная тварюга, и на дыбы не становится, и не кидается ни на кого, и ведет себя как положено. Спору нет. Но мне-то что делать, а? Чешуя, понимаете, и когти, а уж о хвосте и говорить нечего, хоть я и не видел его с того конца, я к этому непривычный, и мне это не по нутру, как там ни крути») [Грэм].

Выбор стилистических приёмов и выразительных средств индивидуальной и стереотипной природы попадает под влияние жанровой принадлежности произведения.

Таково, например, характерное для детской речи сочетание *as ... as*, фиксируемое в индивидуальной гиперболе [he was] *as big as four cart-horses* («как четыре ломовые лошади цугом»), в которой находит отображение род деятельности пастуха.

Стереотипное стилистическое проявляется в упоминании грозного оружия змея – *claws and a tail* («когти и хвост»), а также застывших эпитетах, используемых в описании: чешуи дракона – *shiny scales* («блестящая чешуя»), традиционного цвета – *deep blue tender sort of green below* («темно-голубая, а к брюху переходит в светло-зеленую»).

Иным примером стилистической стереотипности выступают детали тактильной природы. Таково, например, умение дышать огнем, приписываемое сказочным рептилиям, репрезентируемое стилистическим приёмом метонимии: *as he breathed that sort of flicker over his nostrils* («Когда он дышит, вокруг ноздрей у него видно мерцанье»).

Индивидуальные черты персонажа заключаются в его незлобивости и получают стилистическое закрепление в использовании оксюморонов, по своей структуре представляющих наличие эпитетов: *to be enjoying of the cool of the evening in the poetical sort of way* («услаждался вечерней прохладой с эдаким восторженным видом») [Grahame].

Эпитетный ряд продолжается парафразами: *a peaceable sort o'beast enough* («вполне мирная тварюга»), факультативной детали драконьего нрава, также оксюморона.

Сцену первой встречи мальчика и дракона можно интерпретировать как пример приема обманутого ожидания. В зафиксированном феномене находит многогранную актуализацию эпитет *reluctant* («праздный, ленивый») из названия сказки, что позволяет

вести для его обозначения рабочий термин «пролонгированный эпитет».

Общая атмосфера умиротворения усиливается пейзажными описаниями сельской местности, благоприятно влияющими на настроение дракона:

No wonder the dragon seemed in a peaceful and contented mood; indeed, as the Boy approached he could hear the beast purring with a happy regularity [Grahame].

(«Ничего удивительного, что дракон пребывал в самом мирном настроении и казался довольным жизнью; хотите верьте, хотите нет, но, когда Мальчик подошел поближе, он услышал, что тот мерно и блаженно мурлычет») [Грэм].

Подобного рода авторские «зарисовки» можно рассматривать как своего рода реплики или вербальную синонимию пейзажам в искусстве средневековой иллюминации и малоформатной живописи.

В образе дракона в анализируемой сказке объединяются зоо- и антропоморфные черты. Так, ономотопея *purring* («мурлыканье») – звуки, издаваемые драконом, – выступает объектом повтора, возвращая читателя к сравнению хищника с кошкой. В этом, как представляется, находит отражение традиционная для британцев любовь к кошкам. Таким образом, звукоподражательное *purring/purr* можно рассматривать не только как пример ономотопеи, но и как этнически окрашенный метонимический перенос с опорой на характерную для животного черту.

Антропоцентризм репрезентирован воспитанностью и безупречными манерами дракона, столь ценными в Англии времени создания сказочного текста: *...made the beginning of a courteous effort to rise...* [Grahame].

(«Услышав приближающиеся шаги, дракон было учтиво приподнялся») [Грэм].

Сентенция дракона об утомительности безделья выступает иным примером хорошо усвоенного урока о необходимости быть полезным:

Never without an occupation [Grahame].

(«Я занят с утра до вечера, мой юный друг, с утра до вечера!») [Грэм].

Авторское индивидуальное стилистическое в использовании приёма обманутого ожидания для лингвостилистической объективации самокритичности персонажа:

I'm a confoundedly lazy beggar [Grahame].

(«Признаться по совести, я ужасный лентяй») [Грэм].

Антропоморфные черты персонажа раскрываются как присущие человеческому существу чувства и эмоции в сочетании с правилами куртуазного вежества:

The dragon coloured slightly and looked away. Presently he said bashfully: Did you ever just for fun try to make up poetry verses, you know? [Grahame].

(«Дракон слегка покраснел и отвел глаза в сторону. Наконец сказал застенчиво: “Ты никогда... просто ради шутки... не пробовал сочинять... ну, знаешь... писать стихи?”») [Грэм].

Цитату можно интерпретировать и как очередной приём обманутого ожидания, также объекта репризы. Это проявляется в стремлении дракона изменить своё положение в куртуазном универсуме и перейти в статус трубадура рыцаря, посвящая своё время поэтическому творчеству: *did you ever ... try to make up poetry verses* («Ты никогда... не пробовал сочинять... стихи») – здесь находит отображение взаимосвязь с карнавальным мировоззрением Средневековья, следование принципу колеса.

Дальнейшее развитие сюжета представлено как аллюзия на рыцарский турнир в куртуазных романах:

My dear little man, said the dragon, solemnly, just understand, once for all, that I can't fight and I won't fight. I've never fought in my life, and I'm not going to begin now, just to give you a Roman holiday. In old days I always let the other fellows the earnest fellows do all the fighting, and no doubt that's why I have the pleasure of being here now [Grahame].

(«Милая моя крошка, – серьезно, даже торжественно сказал дракон, – пойми раз и навсегда, что я не могу драться и не буду. Я не дрался ни разу в жизни и не собираюсь начинать это сейчас и устраивать бой гладиаторов ради твоего удовольствия. В прежние времена я предпочитал драться другим – тем, кто относился к этому поделовому, потому-то, бесспорно, я имею удовольствие находиться здесь») [Грэм].

Цитата из сказочного текста допускает множественность толкований.

Одним из них может быть использование принципа обратности, основополагающего для карнавального мировоззрения, обнаруживаемого и в выдуманном мире английских детских стихов (*nursery rhyme*).

Следует обратить внимание на специфику морфосинтаксической организации реплики чудовища. Особый интерес вызывает раскрытие стилистического потенциала модальных глаголов *can* и *will*. Отказ дракона вступать в битву звучит не только как оправдание неумения и нежелания сражаться, но одновременно и как обещание персонажа не вступать в битву. Торжественность усиливается повторением глагола *to fight*, ключевого для куртуазного словаря, в *Present Perfect* и *Future Indefinite*.

Использование тематического глагола в неличной форме *fighting* в качестве объекта репризы в синонимическом *to do all fighting* способствует его стилистической интенсификации.

Куртуазное вежество дракона неоднократно дублируется ценностью хороших манер и воспитания, столь важных в британском обществе, что подчёркивается в характеристике животного:

The dragons a real gentleman, every inch of him, and I may say that no one would be more shocked and grieved than he would, at hearing you talk in that loose way about matters on which he has very strong views! [Grahame].

(«Дракон – истинный джентльмен, джентльмен до кончиков когтей, и, поверь мне, никто не был бы так поражен и опечален, как он, если бы он услышал, как... как вольно ты говоришь о вещах, относительно которых у него такие твердые взгляды») [Грэм].

Таково, например, гиперболическое *a real gentleman, every inch of him [dragon]*.

Куртуазность, таким образом, несколько видоизменяется. Куртуазное вежество заменяется знанием и следованием этикету, блюстителем которого выступает дракон.

Согласно развитию сюжетной линии турнир превращается в сделку святого Георгия и дракона с целью превратить схватку в своего рода инсценировку битвы. Турнир также заканчивается уже неоднократно встречавшимся в тексте приемом обманутого ожидания, используемым в силу действия принципа колеса.

Так, святой Георгий читает небольшую проповедь о необходимости не поддаваться предрассудкам и, сообразно законам карнавального мировоззрения, все жители деревни отправляются на банкет (торжественный ужин) в таверну неподалёку от импровизированного ристалища:

So they set off up the hill arm-in-arm, the Saint, the Dragon, and the Boy... And, as they turned the last corner and disappeared from view, snatches of an old song were borne back on the night-breeze. I cant be certain which of them was singing, but I think it was the Dragon! [Grahame].

(«И вот они пустились в путь рука об руку – Святой Георгий, дракон и Мальчик. И когда они завернули за последний угол и исчезли из виду, ночной ветерок донес до деревни обрывки старинной песни. Я не могу с уверенностью сказать, кто именно из них пел, но думаю, что это был дракон!») [Грэм].

Завершающий сказку пассаж представляет собой замыкание репризного цикла преобразованием куртуазного универсума, перераспределением куртуазных ролей и статусов сообразно действию принципа обратности. Пародийность заключается в том, что в результате действия принципа колеса дракон, пройдя испытание, предусмотренное для лирического героя куртуазной вселенной, вопреки общему правилу, восстанавливает куртуазную гармонию.

Проделанный анализ показывает очевидную стилистическую преемственность, наблюдаемую в генетически связанных произведениях одного узкого дискурса широких дискурсов культур, разделённых значительным временным промежутком.

Роль стиля как скрепы текста и дискурса определяет вовлечение в этот процесс философско-культурных доминант, принципов и правил, в частности принципа обратности.

В литературном произведении, репрезентированном текстом литературной сказки нового времени, адресованной детской аудитории, открывается иная стилистическая картина, формирующаяся на осно-

ве преемственности. В основу реконструкции стилистической организации генетически связанного с куртуазным романом текста кладется принцип обратности, унаследованный от карнавального мировидения Средневековья и заимствованный английским детским фольклором.

Принцип обратности положен в основу авторской интерпретации средневековых сюжетов, в частности легенды о подвиге святого Георгия. Традиционные колористические метонимии и эпитеты, а также ономапии, заимствуемые из каталога фигур средневековой риторики, переосмысливаются в новом текстовом окружении, одновременно выполняя функции стилистических скреп с произведениями английского фольклора.

Изучение реконструкции стилистической организации генетического текста в произведении для детской аудитории демонстрирует плодотворность идеи об узких и широких дискурсах для исследований диалогического характера.

Список литературы

Источники

Грэм К. Дракон-лежебока. URL: https://royallib.com/read/grem_kennet/dragon_legeboka.html#0 (дата обращения: 25.11.2025).

Grahame K. The Reluctant Dragon. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://readmeastoryink.com/wp-content/uploads/stories/the_reluctant_dragon.pdf. (access date: 25.11.2025).

Исследования

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.

Вьшенская Ю.П. Формирование категории «художественный стиль» в средневековом художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2022. 720 с.

Гончарова Е.А. Текст – дискурс – стиль как когнитивное, коммуникативное и интерпретационное триединство // Текст – дискурс – стиль в современной этнокультуре Германии: монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 10–34.

Гронская О.Н. Нарративный фантастический дискурс в немецкой этнокультуре: монография. Санкт-Петербург: СПбГИЭУ, 2012. 424 с.

Елина Н. Предисловие // Народные сказки Британских островов. Москва: Радуга, 1987. С. 9–28.

Смирнов А.А. Из истории западноевропейской литературы Москва; Ленинград: Художественная литература, 1965. 367 с.

Смирнова Т.Ю. Прагматическое значение versus дискурсивное значение грамматической единицы // Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. науч. ст. Санкт-Петербург, 2020. С. 113–115. URL: <http://chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://>

www.elibrary.ru/download/elibrary_44225526_14656503.pdf. (дата обращения: 30.11.2025).

Смолицкая О.В. Проблема традиции и авторской индивидуальности в лирике труверов XII–XIII веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1986. 24 с.

Fowler R. Literature as social discourse. Bloomington, Indiana University Press, 1981, 215 p.

References

Elina N. *Predislovie* [Preface]. *Narodnye skazki Britanskikh ostrovov* [Fairy-Tales of the British Isles]. Moscow, Raduga Publ., 1987, pp. 9–28. (In Russ.)

Goncharova E.A. *Tekst – diskurs – stil kak kognitivnoe, kommunikativnoe i interpretacionnoe triedinstvo* [Text – Discourse – Style as Cognitive and Interactive Unity]. *Teks – diskurs – stil v sovremennoj jetnokulture Germanii* [Narrative Fantastic Discourse in German Ethnoculture]. Saint Petersburg, RGPU Publ., 2012, pp. 10–34. (In Russ.)

Gronskaja O.N. *Narrativnyj fantasticheskij diskurs v nemeckoj jetnokulture* [Narrative Fantastic Discourse in German Ethnoculture]. Saint Petersburg, SPbGIEU Publ., 2012, 424 p. (In Russ.)

Smirnov A.A. *Iz istorii zapadnoevropejskoj literature* [Glimpses of West European Literary History]. Moscow, Leningrad, Hudozhestvennaya literature Publ., 1965, 367 p. (In Russ.)

Smolickaya O.V. *Problema tradicii i avtorskoj individualnosti v lirike truverov XII–XIII vekov* [The Matter of the Tradition and the Author's Individuality in Trouvers' Lyrics: PhD thesis]: avtoref. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1986, 24 p. (In Russ.)

Smirnova T.Ju. *Pragmaticheskoe znachenie versus diskursivnoe znachenie grammaticheskoi edinicy* [Pragmatic versus Discursive Grammar Unit Meaning]. *Gerzhenovskie chtenija. Inostrannye jazyki: sb. nauch. trudov* [Herzen Readings. Foreign Languages: Collection of Scientific Articles.]. Saint Petersburg, 2020, pp. 113–115. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44225526_14656503.pdf (access date: 18.07.2025). (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika* [Stylistics. Poetic Speech Theory. Poetics]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, 255 p. (In Russ.)

Vyshenskaja Ju.P. *Formirovanie kategorii «hudozhestvennyj stil» v srednevekovom hudozhestvennom tekste: Dis. ... d-ra filol. nauk* [The Category “Poetic Style” Under Forming in the Medieval Literary Composition: DSc Thesis]. Saint Petersburg, 2022, 720 p. (In Russ.)

Fowler R. Literature as social discourse. Bloomington, Indiana University Press, 1981, 215 p.

Статья поступила в редакцию 31.01.2026; одобрена после рецензирования 18.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 31.12.2026; approved after reviewing 18.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.